

«Мы вам следствие, мы вам и суд!»: дело Айзика Столяра как пример репрессивной практики времен «Большого террора» 1937–1938 гг.

Чемоданов Павел Андреевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Волго-Вятский институт – филиал, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина. Россия, г. Киров. E-mail: pavelche1492@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена разбору судебно-следственного дела партийного работника Айзика Ханановича Столяра, арестованного в 1937 г. и обвиняемого в принадлежности к «организации правых». Подробные материалы этого дела дают представление как о насыщенной биографии фигуранта, так и о репрессивных практиках советских силовых структур периода «Большого террора» 1937–1938 гг.

Айзик Столяр родился в конце XIX столетия в Витебской губернии в еврейской рабочей семье. На его долю выпали работа учеником аптекаря, участие в Первой мировой и гражданской войнах, а также богатая событиями карьера в партийных органах разных регионов страны. В 1937 г. он встретил в Кировской области на должности 1-го секретаря Слободского райкома ВКП(б). После ареста проходил по делу «организации правых», фигурантами которого стали несколько десятков партийных деятелей, в т. ч. областного масштаба. Пережив пытки в застенках НКВД, А. Х. Столяр вышел на свободу в начале 1940 г., был полностью реабилитирован и восстановлен в партии.

Дело А. Х. Столяра являет собой характерный образец советской репрессивной практики периода «Большого террора», в значительной мере направленной на борьбу сталинской группировки с реальной и мнимой оппозицией в среде региональной и местной партийно-государственной элиты. Оно также подтверждает концепцию, согласно которой первая реабилитация жертв политических репрессий в СССР состоялась еще до начала Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. после отстранения от руководства НКВД Н. И. Ежова, ознаменовавшего окончание «ежовщины».

Ключевые слова: Большой террор, сталинизм, партноменклатура, политические репрессии, реабилитация, Кировская область.

Изучение репрессий периода «Большого террора» 1937–1938 гг. в отношении региональной и местной партийно-государственной элиты стало важнейшей частью отечественной историографии сталинизма в последние десятилетия. После распада СССР и открытия для исследователей массы архивных документов вышло немало работ, посвященных этой теме в общегосударственном масштабе [3; 4; 9; 20; 21], изданы солидные документальные публикации [13]. В последние годы наметилась тенденция изучения темы сталинских репрессий 1930-х гг. в отношении партийных и советских функционеров на региональном уровне. Работы такого рода написаны, в частности, на материалах Ингушетии [1], Калмыкии [2], Самарской области [8], Тюменской области [12], Северной Осетии [22]. Особенно подробно тема освещена в трудах уральских историков, среди которых можно упомянуть А. В. Сушкова, М. А. Фельдмана и др. [7; 17; 19].

Предметных исследований по репрессиям предвоенного десятилетия в отношении элиты как социальной группы в Кировской области на сегодняшний день не так много. В их числе можно упомянуть работы Ю. Г. Карачарова [10] и В. И. Бакулина [3], а также фундаментальный биографический справочник «Политические лидеры Вятского края» (составители – архивисты В. С. Жаравин, Е. Н. Чудиновских), в котором аккумулированы биографические данные о более чем полутора тысячах партийных и советских работников Кировской области (Вятской губернии, Кировского края), многие из которых попали под маховик «чисток» и репрессий межвоенного времени [16]. Не отрицая значимости упомянутых трудов, отметим, что они затрагивают лишь отдельные аспекты вопроса и не позволяют сформировать целостную картину.

Упомянутой темы касался и автор данной статьи в рамках биографических публикаций о партийных и государственных деятелях, пострадавших в годы «Большого террора» – быв-

шем 1-м секретаре Кировского обкома ВКП(б) Абраме Яковлевиче Столяре [31] и начальнике управления культуры Кировского облисполкома Мизе Исаевне Боровой [32]. Настоящую публикацию, посвященную биографии и судебнo-следственному делу Айзика Ханановича Столяра (однофамилец, но не родственник упомянутого выше партийного деятеля), можно рассматривать как продолжение этих статей. Их актуальность заключается в том, что лишь подробное изучение конкретных биографий и следственных материалов 1930-х гг. позволит в отдаленной перспективе прийти к объективным и научно обоснованным выводам об истинных причинах, ходе и сущности сталинских репрессий.

До того момента, пока не будет исследован основной массив судебнo-следственных дел, любые выводы об этом важнейшем историческом явлении отечественной истории XX в. в лучшем случае носят лишь предварительный характер. Автор надеется, что статья, написанная на материалах подробного и насыщенного фактами судебнo-следственного дела А. Х. Столяра, станет вкладом в это непростое и трудоемкое дело.

Прежде чем приступить к разбору судебнo-следственного дела А. Х. Столяра, логично обрисовать его жизненный путь, подробно описанный в его автобиографии [29, л. 6–7]. Айзик Хананович Столяр родился в декабре 1896 года в г. Двинске Витебской губернии (ныне г. Даугавпилс, Литва) в еврейской семье рабочего-ремесленника (кузнеца). В 1904 г. его отец, чтобы избежать отправки на Русско-японскую войну 1904–1905 гг., временно уехал за границу, где находились его брат и сестра. За рубежом (в Америке) отец пробыл около пяти лет, где трудился рабочим на разных предприятиях, после чего вернулся домой в г. Двинск. По приезде домой Ханан Столяр открыл свою небольшую кузницу, в которой работал с братом, но иногда прибегал и к найму одного рабочего-молотобойца.

До начала Первой мировой войны семья жила в г. Двинске. Когда началась война и фронт начал приближаться к городу, Столяры на правах беженцев переехали в г. Екатеринослав (впоследствии Днепропетровск). До 14 лет Айзик учился в г. Двинске в городском 4-классном училище. По окончании училища, считая его образование оконченным, отец отдал подростка в ученики в частный аптекарский магазин Рубина на два года с оплатой 70 рублей. После окончания своей учебы у Рубина, Айзик нанялся в другой частный магазин подручным продавца за 12 руб. в месяц, где и проработал до отъезда из г. Двинска.

Как уже упоминалось, в 1914 г. вместе с семьей он переехал в г. Екатеринослав, где первое время занимался всякой случайной работой (упаковщик, молотобоец), но вскоре нашел работу по специальности – поступил продавцом в магазин Бродского, затем Дубинского, у которых проработал до военной службы, т. е. до осени 1915 г.

В августе 1915 г. по досрочному призыву Айзик был призван в Российскую императорскую армию и после прохождения шестимесячного обучения в запасной артиллерийской бригаде попал на Австрийский фронт во 2-ю артиллерийскую бригаду. В царской армии он пробыл до конца 1917 г. Этот период являлся для юноши знаменательным, так как с этого времени началась его сознательная политическая жизнь. Во время выборов в Учредительное собрание Айзик под влиянием пробольшевистски настроенных товарищей отдал свой голос за список № 4, по которому проходили большевики. Стоит упомянуть, что на этом избирательном участке было очень сильно влияние партии эсеров и украинских националистических группировок, и большинство избирателей отдавало предпочтение этим политическим силам.

28 декабря 1917 г. А. Х. Столяр вернулся домой в Екатеринослав, где прожил около полугода и летом 1918 г. он вместе со старшим братом пробрался из Украины в г. Курск, территориально относившийся к РСФСР. Когда братья Столяры преодолевали демаркационную линию, то были задержаны немцами (Украина тогда находилась под их оккупацией), но их выручило наличие документов, которые свидетельствовали о том, что они происходили из Витебской губернии. Поэтому немцы поверили их объяснениям о том, что они всего лишь добиваются до дома, и после суток ареста отпустили.

По прибытии в г. Курск (август 1918 г.) Айзик с братом добровольно вступили в Красную армию и были направлены в 1-й Курский моторный артиллерийский дивизион, который вскоре стал называться 9-м артдивизионом 9-й стрелковой дивизии РККА. Через некоторое время брата как пулеметчика перевели на бронепоезд им. Я. М. Свердлова начальником пулеметного борта, а Айзик как артиллерист остался в дивизионе. В сентябре 1918 г. он через ячейку дивизиона вступил в партию, сначала сочувствующим, а в декабре 1918 г. был Курской красноармейской организацией переведен в члены партии.

В Красной армии А. Х. Столяр пробыл непрерывно до апреля 1923 г. Являлся последовательно бойцом, библиотекарем, секретарем военкома, помощником военкома и военкомом артиллерийского парка и дивизиона. До назначения военкомом одновременно был председателем партийной ячейки дивизиона. Вместе с дивизионом он участвовал в походах и боях на Южном фронте, Донбассе, в отражении Улагаевского десанта белых на Кубани, против Врангеля в Крыму и, наконец, в Закавказье.

После демобилизации из Красной армии (апрель 1923 г.) Айзик вновь приехал в Екатеринбург, где получил работу в губкоме ВКП(б) зав. общим отделом и информатором, а в конце 1924 г. губкомом был послан на работу заместителем заведующего губернским отделением Госиздата. На этой должности он проработал до 1927 г., затем последовательно работал заведующим отделением Госиздата в Грозном, Шахтах и Пятигорске. В Пятигорском отделении Госиздата А. Х. Столяр трудился около полугода, после чего горкомом партии был командирован на работу секретаря партколлектива в станицу Горячеводскую. На этом посту он проработал около шести месяцев и в первой половине 1931 г. на городской партконференции был избран зав. орготделом горкома партии, а в конце 1931 г. его избрали ответственным секретарем Пятигорского горкома ВКП(б).

Секретарем Пятигорского горкома Айзик Хананович проработал до марта 1933 г., после чего ЦК был утвержден начальником политотдела Сарапульской МТС (стоит отметить, что в тот момент Сарапульский район входил в состав Уральской области, с декабря 1934 до декабря 1936 г. был частью Кировского края, а затем вошел в состав Удмуртской АССР). После реорганизации политотделов, т. е. с февраля 1935 и до февраля 1936 г. он работал 2-м секретарем Сарапульского райкома ВКП(б). 16 февраля 1936 г. пленум Слободского райкома ВКП(б) избрал А. Х. Столяра 1-м секретарем районного комитета ВКП(б). На этой должности он сменил упоминаемую выше М. И. Борева, которая ушла на повышение, возглавив управление культуры Кировского крайисполкома [15, с. 1].

До этого момента карьера А. Х. Столяра, хоть и развивалась волнообразно, но никогда не находилась под угрозой. В автобиографии он отмечал: «Чистки и проверку партии как в 1924 г., так и в 1930-м проходил и считался проверенным. В 1933 г. чистку партии не проходил как начальник политотдела МТС. В 1930 г. я сам работал председателем комиссии по чистке в Тацинском районе Северо-Кавказского края и на первом Госруднике им. Артёма. В 1933 году был членом районной комиссии по чистке в Варненском районе Уральской области» [29, л. 7].

Злоключения Айзика Ханановича начались в ноябре 1936 г., когда в Слободском покончил жизнь самоубийством известный стахановец меховой фабрики «Белка», 19-летний рабочий Ф. А. Гагаринов. Впоследствии выяснилось, что молодой человек был «затравлен» завистливыми коллегами. Дело происходило в 1936 г., объявленном «стахановским» в масштабах всей страны, поэтому история с самоубийством Ф. А. Гагаринова быстро стала достоянием общественности и вышла на уровень обкома партии. Бюро Кировского областного комитета ВКП(б) 15 декабря 1936 г. постановило: «За формально-бюрократическое руководство райкомом, за отрыв членов бюро райкома от партийной организации, от рабочих-стахановцев на фабрике «Белка» – объявить членам бюро Слободского РК выговор, а 1-му секр. РК тов. Столяр А. Х. – строгий выговор» [27, л. 209].

Стахановец той же фабрики – 18-летний В. С. Баталов – вскоре получил тюремный срок за драку с милиционером. Дело вновь дошло до обкома партии, а А. Х. Столяру припомнили предыдущее разбирательство. В постановлении бюро обкома от 7 августа 1937 г. констатировалось: «В решении от 15 декабря 1936 г. по делу стахановца Гагаринова обком партии вскрыл совершенно нетерпимое положение с организацией массово-политической работы, бездействие в деле борьбы с враждебными элементами и отсутствие политической бдительности, обком требовал от всей парторганизации и партийного руководства района исправления этого положения, укрепления связей с массами, решительной борьбы с классово враждебными элементами, которые вели подрывную работу на предприятиях района. Первый секретарь райкома партии тов. Столяр А. Х., несмотря на суровое предупреждение обкома, вместо решительной борьбы по выправлению положения, бездействовал. Обком в этом усматривает сопротивление и саботаж решения обкома от 15 декабря 1936 г. и считает, что тов. Столяр А. Х. оказался политически неспособным вести борьбу с враждебными элементами» [14, с. 1].

Далее следовало убийственное для карьеры А. Х. Столяра решение: «Снять с работы первого секретаря Слободского райкома ВКП(б) тов. Столяра А. Х. как политически обанкро-

тившегося и оторвавшегося от рабочих и партийных масс района. Созвать внеочередную районную партконференцию для довыборов райкома» [14, с. 1].

Однако проблемы Айзика Ханановича в этот момент только начинались. Уже 14 сентября 1937 г. он был арестован органами НКВД. Первый документ его судебно-следственного дела – справка на арест и привлечение к ответственности – гласил: «Столяр, будучи секретарем Сарапульского райкома ВКП(б) состоял в к.р. троцкистской организации, имел тесную связь с разоблаченными троцкистами и правыми в городе Свердловске... Свою к.р. деятельность скрывал от партии. Находясь в гор. Слободском в качестве секретаря райкома ВКП(б) подбирал в аппарат райкома активных троцкистов, скрывал и не разоблачал к.р. троцкистскую деятельность работника райкома Павленина, последний открыто восхвалял Троцкого и Зиновьева. На осн. изложенного выше считаю необходимым Столяр арестовать и приступить к расследованию его к.р. деятельности» [30, л. 1].

В тот же день вышло постановление о предъявлении обвинения за подписью заместителя начальника УНКВД по Кировской области, майора госбезопасности В. И. Уюка, в котором говорилось, что «Столяр А. Х. достаточно изобличается в том, что состоял членом контррев. организации правых. Как член этой организации проводил подрывную вредительскую работу, повстанческую и к.-р. террористическую деятельность... Постановили: Столяр А. Х. привлечь в качестве обвиняемого по ст. 58 п. 2 через ст. 19, 58-й п. 8, 7, 10, 11 УК РСФСР» [29, л. 3]. Вскоре последовала реакция и по партийной линии – постановлением бюро Кировского обкома ВКП(б) от 23 сентября 1937 г. А. Х. Столяр был исключен из партии как «враг народа» [30, л. 18].

Самым существенным был п. 2 ст. 58 УК РСФСР редакции 1926 г.: «Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в центре или на местах в тех же целях и, в частности, с целью насильственно отторгнуть от Союза ССР и отдельной союзной республики какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные Союзом ССР с иностранными государствами договоры». Данный пункт предполагал расстрел, даже несмотря на оговорку «через статью 19», которая четко определяла: «приготовительные к преступлению действия, выражающиеся в приискании или приспособлении орудий, средств и создании условий преступления, преследуются так же, как совершенное преступление». Пункты 7, 8, 9 и 11 58-й статьи УК предполагали соответственно подрыв экономики страны, совершение терактов, повреждение или уничтожение транспортных коммуникаций и организационную деятельность, направленную на подготовку и совершение указанных в предыдущих пунктах статьи преступлений [18].

В постановлении о продлении срока содержания под стражей от 8 ноября 1937 г. обвинения в адрес А. Х. Столяра были расширены и конкретизированы. В числе прочего ему вменяли следующее: «Столяр А. Х., будучи начальником п/о Сарапульской МТС в 1934 г. входил в контрреволюционную организацию правых на Урале, возглавляемую Кабаковым... Кроме того, вместе с другими членами к.-р. организации правых: Кобелевым, Иконниковым, Моисеевым и др. создавал к.-р. повстанческие группы. Впоследствии, будучи секретарем Слободского РК ВКП(б) продолжал к.-р. работу, установив связи с членами к.-р. организации правых в гор. Кирове». В итоге арест ему был продлен до 15 января 1938 г. [30, л. 19]. Как мы видим, следствие усматривало связь между «контрреволюционными» действиями А. Х. Столяра и личностью бывшего секретаря Свердловского обкома ВКП(б) И. Д. Кабакова, который уже был к тому времени репрессирован. Характерная деталь: Кабаков был обвинен в создании той самой «организации правых» на Урале, куда якобы и входил Айзик Хананович в период работы в Сарапуле [17, с. 263–264].

Спустя чуть более месяца с момента ареста, А. Х. Столяр дал признательные показания, что отразилось в протоколе допроса от 20 октября 1937 г. В документе были зафиксированы следующие его слова: «Первые двенадцать дней после ареста я запирался и не давал следствию правдивых показаний. Тяжело было сознаться, что я, враг народа, долгое время двурушничал, обманывал партию, использовал ее доверие для подлой предательской работы против партии, против трудящихся. Придя к выводу, что дальнейшее запирательство бесплодно, что следствие располагает вескими уликами против всех членов организации... Я решил откровенно исчерпывающе рассказать как о своем участии в организации правых, о своей контрреволюционной деятельности, так и все, что мне известно о деятельности организации в целом» [30, л. 34].

Конкретные признания сводились к тому, что в «организацию правых», якобы действовавшую на Урале под руководством И. Д. Кабакова, А. Х. Столяр был завербован в апреле-мае

1934 г. в г. Сарапуле, во время его работы там в качестве начальника политотдела Сарапульской МТС. Вербовкой Айзика Ханановича в «организацию», с его слов, занимался секретарь Сарапульского райкома ВКП(б) Н. Д. Иконников (впоследствии арестованный и расстрелянный) при «активнейшем участии» со стороны местных партийных функционеров из числа работников райкома ВКП(б) и начальников политотделов МТС других районов Свердловской области (так с января 1934 г. называлась бывшая Уральская область) – Кобелева, Вязанкина и Моисеева.

Далее приведены следующие пояснения А. Х. Столяра: «Я приехал в Сарапул из Ростова-на-Дону в октябре месяце 1933 года. Мой переезд из Ростова был связан, в первую очередь, с семейными передрыгами и, по существу, был вынужденным. Настроение было угнетенное, упадочное. Приехав в Сарапул, я обратился к секретарю районного комитета ВКП(б) Иконникову. Иконников с первых же встреч со мной начал обрабатывать меня, как говорят, “приблизить к рукам”. Знакома меня с обстановкой в районе, Иконников больше всего говорил о достоинствах бывшего секретаря Уральского обкома Кабакова, о его хорошем отношении к сарапульцам, особом внимании к Сарапульскому району... В первой же беседе со мной Иконников подчеркнуто заявил мне что отношение ко мне, условия моей работы в Сарапульском районе будут зависеть от моего поведения... За это время я был участником ряда вечеринок, фактически сборищ организации, на которых велись контрреволюционные разговоры о политике партии, о руководстве партии, в которых я принимал участие солидарно со всеми» [30, л. 35–36].

В одной из бесед Н. Д. Иконников якобы заявил А. Х. Столяру, что на Урале существует организация, возглавляемая И. Д. Кабаковым, ставящая перед собой задачу «путем целого ряда мероприятий заставить партию и правительство изменить политику». Иконников в связи с этим сообщил, что в Сарапуле существует группа людей во главе с ним, работающая по прямым указаниям Кабакова. «Совместные пьянки, всевозможные поблажки, премии, подарки, вообще были излюбленными методами обработки со стороны Иконникова... Премии эти выдавались не ведомствами, а лично самим Иконниковым... Сами Иконников и Кобелев деньгами буквально сорили, особенно при поездках в Свердловск», – добавил А. Х. Столяр [30, л. 37–38].

Согласно его показаниям, особые усилия организация приложила к тому, чтобы «развалить» тракторный парк и парк сложных сельскохозяйственных машин. «Вредительская работа» будто бы велась ими по линии несвоевременного, некачественного ремонта тракторов, а главным образом по линии «вредительского» планирования их работы, нерационального распределения по районам, расстановки по участкам, в результате чего машины использовались неэффективно, простаивали, ломались и выходили из строя совсем, работа же МТС в глазах рабочих масс дискредитировалась, наносился большой материальный ущерб государству и колхозникам [30, л. 42]. Стоит отметить, что списывание хозяйственных провалов на «вредительство врагов народа» (как правило, мнимых) было типичной практикой сталинского времени, особенно заметной эта тенденция стала в 1936–1938 гг., когда фигурантам различных уголовных дел могли припомнить «грехи», совершенные ими значительно раньше.

В показаниях А. Х. Столяра упоминается и «подрывная работа организации по выводу из строя конского поголовья». Утверждения Айзика Ханановича рисовали следующую картину. По заданию руководителя «организации» И. Д. Кабакова, из Сарапульского, Воткинского и других районов в 1934 г. были отправлены сотни колхозников и колхозных лошадей на работы в Нижний Тагил, Чусовую, Березники и другие пункты на лесозаготовки и на стройки. «Организацией» якобы были созданы умышленно крайне тяжелые условия в этих пунктах с кормами для направленных туда лошадей и людей. Многие колхозники бросили работу и лошадей, чтоб вернуться домой. Но с лошадьми возвращались домой немногие, так как от бескормицы животные на месте работ и в дороге погибали [30, л. 43]. На самом деле, этот фрагмент показаний описывает типичную для того времени практику отправки колхозников на разного рода работы (как правило, лесозаготовки и строительство) в порядке т. н. «трудгужповинности». Другое дело, что руководители области и района действительно могли недоработать в плане организации описанных мероприятий.

Отдельным направлением деструктивной деятельности «организации», согласно протоколам допроса А. Х. Столяра, была сдача зерна государству. В частности, зерно якобы умышленно сдавалось низкого качества, с повышенной сорностью и влажностью. Эту «вредительскую работу» по заданию организации выполняли, помимо Столяра, уже упоминаемые Вязанкин, Кобелев и член организации Шувалов, работавший в качестве уполномоченного

комитета заготовок сельскохозяйственных продуктов СНК СССР. Прямое задание сдавать государству низкокачественное зерно при этом давал Моисеев. Помимо этого, «организация», согласно показаниям Айзика Ханановича, занималась целенаправленным озлоблением рабочих против советской власти и срывом стахановского движения [30, л. 45]. Последнее могло быть актуально лишь в последние месяцы его пребывания в Сарапульском районе, поскольку стахановское движение развернулось в Советском Союзе не раньше сентября–октября 1935 г.

Любопытен тот момент в показаниях А. Х. Столяра, где он указывает на связь членов «организации правых», действующих в Сарапульском районе, с партийным руководством образованного в декабре 1934 г. Кировского края. По словам обвиняемого, связь кировских «правых» с сарапульскими поддерживалась через И. А. Дубинского, который занимал должность заведующего сельскохозяйственным отделом крайкома ВКП(б) [30, л. 51]. Исаак Александрович Дубинский был идеальным «связующим звеном» с точки зрения следователей. Дело в том, что его отец когда-то был крупным предпринимателем, и за сокрытие этого факта еще в начале 1920-х гг. Дубинский исключался из партии. История его восстановления в ней покрыта мраком, но информация о прошлых его «прегрешениях» всплыла в начале лета 1937 г. на очередной региональной партийной конференции. В результате чего его исключили из списка претендентов на членство в новом составе обкома ВКП(б), а впоследствии репрессировали [6, с. 20].

Ситуация для А. Х. Столяра усугублялась тем, что при обыске 14 сентября 1937 г. у него было изъято нелегально хранившееся оружие – пистолет системы «Парабеллум» калибра 7-63, к нему 50 штук боевых патронов, и другой пистолет системы «Зауэр» калибра 7-65 с семью боевыми патронами. Обвиняемый пояснил, что по октябрь 1935 г. это оружие хранилось у него легально, имелось соответствующее разрешение. С октября же 1935 г. он по своей халатности не возобновил разрешение, поэтому оружие хранилось у него незаконно около двух лет.

Происхождение оружия Айзик Хананович объяснил так: «Пистолет системы “Парабеллум” у меня находился с 1919 г., со времени моей службы в Красной армии, в должности помощника комиссара 9-го сводного тяжело-артиллерийского дивизиона и достался после смерти комиссара дивизиона Симоненко П. П. Пистолет системы “Зауэр” получен мною в подарок в 1932 г. от бывшего начальника СПО Терского сектора ОГПУ Крылова Николая Дмитриевича... Намерения использовать отобранное у меня оружие для террористических и повстанческих целей у меня не было» [30, л. 54]. Несмотря на приведенные объяснения, для следствия нелегальное хранение А. Х. Столяром оружия стало серьезным дополнительным аргументом в пользу того, что он участвовал в «террористическом антисоветском подполье».

Как нередко было в период «Большого террора», следствие припомнило А. Х. Столяру все предыдущие проступки перед властью. В числе прочего вновь всплыла история с самоубийством стахановца меховой фабрики «Белка» г. Слободского Ф. А. Гагарина. В протоколе допроса фигуранта дела Д. С. Пахомова от 1 февраля 1938 г. содержится следующая информация на этот счет: «Кто именно травил Гагарина, я не знаю, но мне как ближайшему помощнику Акоюна¹ известно, что организация правых срывала стахановское движение. Бывший секретарь Слободского РК ВКП(б) Столяр А. Х. – участник антисоветской организации, выполняя установки областного центра правых, создал в Слободском районе такую обстановку для стахановцев, в результате которой безнаказанно проводилась травля Гагарина, в результате чего он и покончил самоубийством» [30, л. 82].

Любопытны материалы очной ставки, проведенной между А. Х. Столяром и В. Г. Глазыриным – старым знакомым Айзика Ханановича, бывшим редактором Сарапульской районной газеты. Глазырин сообщил следующее: «Мой разговор со Столяром о работе организации правых происходил в феврале 1935 г. в кабинете Столяра. Он в то время замещал секретаря райкома ВКП(б), так как Моисеев болел. Столяр мне говорил, что работу по организации правых будем продолжать и возглавлять ее будет он – Столяр». Несмотря на ранние признания в связях с мифической «организацией правых», в данном случае Столяр отрицал показания бывшего приятеля, заявив, что никогда не замещал Моисеева и не имел в тот момент кабинета в здании Сарапульского райкома ВКП(б), поскольку был избран 2-м секретарем райкома несколько позже [30, л. 150]. Однако проверить эти утверждения сложно, поскольку Глазырин

¹ Акоюн Сурен Петрович (1898–1938) – советский партийный деятель, в 1936–1938 гг. – 2-й секретарь Кировского крайкома ВКП(б); с января 1938 г. – инструктор ЦК партии. Впоследствии был арестован органами НКВД, расстрелян по обвинению в антисоветской деятельности 20 июня 1938 г.

не назвал точной даты встречи и упомянул абстрактный «февраль». Точно так же А. Х. Столяр был избран 2-м секретарем Сарапульского райкома в феврале 1935 г., поэтому не слишком понятно, какое из названных близко стоящих по времени событий произошло раньше.

В обвинительном заключении по делу А. Х. Столяра от 28 апреля 1939 г. констатировалось: «Виновен в том, что... являясь участником антисоветской организации правых, по ее заданию формировал повстанческие группы, вел вредительскую диверсионную работу в сельском хозяйстве, вербовал новых участников в организацию и незаконно хранил огнестрельное оружие, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58, пп. 2, 10, 11 и 182 УК РСФСР» [30, л. 159]. Как мы видим, следствие переквалифицировало обвинение: были убраны пункты 7 и 8 статьи 58 УК РСФСР, зато добавился п. 10 («Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений»), а также статья 182 действующего на тот момент УК – «Изготовление, хранение, покупка и сбыт взрывчатых веществ или снарядов, а равно огнестрельного (кроме охотничьего), оружия без надлежащего разрешения» [18].

С момента ареста А. Х. Столяра прошло около полутора лет. Все это время он содержался во внутренней тюрьме НКВД г. Кирова. За это время печально известного Н. И. Ежова на посту народного комиссара внутренних дел СССР сменил Л. П. Берия (его назначение состоялось 24 ноября 1938 г.), и поведение обвиняемых по политическим делам резко изменилось. Это хорошо видно на материалах дела А. Х. Столяра, который уже 15 апреля 1939 г. направил на имя Кировского областного прокурора письмо следующего содержания:

«Настойчиво прошу вызвать меня для дачи подробных пояснений о грубых нарушениях и искажениях, имевших место при ходе следствия по моему делу. Настоящим я еще раз отказываюсь от всех своих показаний, так как они даны в результате насилия и вымогательства со стороны следствия. Показания выколачивались. Никакие показания, доказывающие мою невиновность, не принимались. Я также заявляю о нарушении статьи 206 УПК. При подписании протокола об окончании следствия я хотел дополнить дело показаниями и объяснениями по поводу ряда документов, а также возбудить ходатайство о вызове свидетелей, но это принято не было. Дело знаю плохо. Прошу также принять заявления на имя прокурора Союза ССР с жалобой на методы следствия и направить его по адресу. Вызов прошу ускорить, так как дело скоро должно слушаться в областном суде» [30, л. 239–239 об.].

Судя по всему, письма не дали хода, поскольку 14 мая 1939 г. Кировский областной суд признал А. Х. Столяра виновным в преступлениях, предусмотренных пунктами 2, 10, 11 58-й статьи и по 182-й статье УК РСФСР, и приговорил к 10 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях (с учетом срока предварительного заключения) с последующим поражением в правах на пять лет [30, л. 243, 410]. Надо отдать Айзику Ханановичу должное, потому что он не только не смирился с этим суровым и несправедливым приговором, но и оперативно подал кассационную жалобу в Верховный суд РСФСР (это произошло 27 мая того же года). В тексте жалобы утверждалось: «Свои показания на предварительном следствии я дал после многосуточного прерывного допроса и после неслыханного издевательства и вымогательства со стороны следствия и избития. Никакого следствия не было. Выколачивались заведомо ложные показания, которые я писал под диктовку следователей и переписывал после корректуры их» [30, л. 410 об.].

Далее А. Х. Столяр следующим образом объясняет причину самоговора: «Я дал ложные показания после применения ко мне целой системы исключительных издевательств. На одном допросе в ноябре 1937 г. в кабинете начальника НКВД Газова², где присутствовали Газов и Павловиков, я заявил, что меня вынуждают давать ложные показания на себя и других, от которых я на суде вынужден буду отказаться. На это Газов объявил буквально следующее: “Никакого суда над вами не будет. Мы сами расправимся с вами на тройке. Мы вам следствие, мы вам и суд!” Здесь же меня избили и при мне Газов отдал приказание, что, если я не дам показаний, арестовать мою жену и начать допрос ее “по всем правилам”» [30, л. 415–415 об.]. Письмо оканчивалось лаконичным «криком о помощи»: «Я невиновен. Я прошу немногого. Я прошу беспристрастного советского расследования моего дела» [30, л. 416].

² Имеется в виду Леонид Петрович Газов (1898–1987) – начальник Управления НКВД по Кировской области в июле 1937 – ноябре 1938 года, впоследствии – секретарь Краснодарского обкома ВКП(б). В отличие от многих других руководителей НКВД, участвовавших в «ежовщине», не понес никакого наказания за содеянное, прожив долгую жизнь. Умер в Москве в возрасте 89 лет.

Показательно, что кассационная жалоба А. Х. Столяра возымела довольно быстрый (по меркам того времени) эффект. Уже 7 июля 1939 г. судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР вынесла достаточно взвешенное решение по его делу: «По приговору суда осужденному Столяр вменяется в вину, что он был завербован в контрреволюционную организацию правых..., однако судом не установлено, когда, где и при каких обстоятельствах он был завербован, также не установлено, какие же конкретные действия выполнял осужденный Столяр, состоя в этой организации... На основании изложенного судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР определила: “Приговор отменить, дело вернуть для нового рассмотрения со стадией предварительного следствия”» [30, л. 426].

К сожалению, материалы следствия в деле не сохранились. В постановлении начальника следственной части УГБ УНКВД Кировской области лейтенанта госбезопасности Напалкова от 29 января 1940 г. констатировалось: «Практическая антисоветская деятельность со стороны Столяр А. Х. не установлена, а следовательно, и обвинение Столяр А. Х. по ст. 58-10, 2, 11 УК не находит подтверждения... Уголовное дело по обвинению Столяр Айзика Ханановича и Глазырина Виктора Григорьевича дальнейшим производством прекратить с немедленным освобождением их из-под стражи» [30, л. 436–437]. Тем же днем датируется распоряжение начальнику тюрьмы № 1 г. Кирова об освобождении А. Х. Столяра [30, л. 441].

Борьба за жизнь и свободу для А. Х. Столяра на этом успешно завершилась, но ему еще предстояло не менее трудный процесс по восстановлению репутации и членства в партии. Уже 4 февраля 1940 г. он направил письмо в бюро Слободского райкома ВКП(б) с просьбой о восстановлении в партийных рядах. В письме говорилось: «В результате преступных методов следствия и неслыханных издевательств со стороны лиц, проводивших следствие, я был вынужден признать себя виновным в преступлении, которого я никогда не совершал и дал ложно-клеветнические показания как на себя, так и на других. Подписав протокол показаний, я при первой же возможности стал отказываться от своих показаний как от ложных, о чем мной было послано два заявления Кировскому областному прокурору, в результате чего по моим показаниям, насколько мне известно, не арестован ни один человек». Примечательна следующая далее оговорка автора письма: «Показаний никаких на членов Слободской парторганизации, несмотря на сильный нажим со стороны следователей, я ни на кого не дал» [28, л. 1–1 об.].

Видимо, вопрос о восстановлении бывшего «врага народа» был передан на уровень обкома партии, потому что уже 16 февраля 1940 г. Айзик Хананович вдогонку отправил в адрес Кировского областного комитета ВКП(б) дополнение к своему предыдущему заявлению с разъяснениями относительно своего предполагаемого участия в «коллективных пьянках» с другими репрессированными партийными работниками. «Редкие случаи выпивок, которые допускались мной не носили характера пьянства и на работе не отражались. Никогда никаким взысканиям за выпивку я не подвергался», – убеждал областное партийное руководство А. Х. Столяр [28, л. 7–8].

Видимо, объяснения Столяра были приняты, потому что уже 22 февраля 1940 г. бюро Кировского обкома постановило восстановить его в рядах ВКП(б). Ждановскому райкому г. Кирова было предписано в кратчайшие сроки выдать ему партийные документы [28, л. 13]. По сложившейся в то время практике, сообщение о восстановлении А. Х. Столяра в партии было опубликовано в главной газете региона – «Кировской правде» [11, с. 4]. После этого дела Айзика Ханановича явно пошли в гору, потому что уже 23 апреля 1940 г. другим решением Кировского обкома ВКП(б) он был утвержден в руководящей должности директора треста пригородных хозяйств при Кировском облисполкоме [29, л. 22].

Его спокойная жизнь, как и у всех советских людей, вновь оборвалась с началом Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. 18 февраля 1942 г. обком освободил 45-летнего А. Х. Столяра от должности директора треста пригородных хозяйств в связи с призывом в Красную армию [29, л. 23]. Пршшлое Айзика Ханановича в качестве кадрового военного сыграло свою роль, поэтому он получил офицерское звание. Во всяком случае, к концу войны он находился в звании капитана [23].

Судя по всему, на передовую немолодой А. Х. Столяр так и не отправился, зато получил партийную должность заместителя начальника госпиталя № 3161 по политчасти. Госпиталь этот располагался в г. Вятские Поляны Кировской области, поэтому далеко уезжать от Кирова Айзику Ханановичу не пришлось. Зато ему пришлось вновь столкнуться с партийными взысканиями в свой адрес. Так, в протоколе заседания бюро Вятскополянского райкома ВКП(б) от 7 сентября 1943 г. содержатся следующие нелицеприятные факты о его работе: «Полити-

ко-массовая работа проводится недостаточно, политинформации отсутствуют, лекции проводятся очень редко. Кино бывает нерегулярно, самодеятельность ранбольных не организована. Шашек, шахмат, домино и литературы недостаточно. Офицерскому составу и орденосцам также не созданы надлежащие условия... В палатах тов. Столяр бывает редко. Вследствие неудовлетворительной работы среди ранбольных имеется много случаев нарушения дисциплины» [24, л. 161 об.].

Как уже было однажды в биографии А. Х. Столяра, дело могло бы кончиться заурядным порицанием с указанием «исправить ситуацию», если бы не одно «но» – подобное предписание уже выносилось бюро Вятскополянского райкома партии 7 июля 1943 г. Все указывает на то, что заместителю начальника госпиталя по политчасти дали два месяца на исправление ситуации, в которые тот явно не уложился. Поэтому и вердикт бюро был довольно жестким: «За невыполнение решения бюро РК ВКП(б) от 7.VII и 5 сентября 1943 года, совершенно недостаточную постановку политико-массовой работы среди ранбольных, за непринятие мер к устранению антисанитарного состояния, в частности, пищеблока, за допуск к питанию недоброкачественной пищи зам. начальника госпиталя по политчасти Столяр Айзик Ханановичу объявить строгий выговор с занесением в личное дело» [24, л. 161 об.]. Стоит отметить, что неудовлетворительное питание раненых бойцов и командиров, а также «антисанитарное» состояние пищеблока вряд ли напрямую относились к компетенции Столяра, но все остальное действительно было по его части.

Проведенный райкомом и задокументированный опрос раненых рисует новые подробности халатности со стороны А. Х. Столяра: «Ранбольные единодушно заявляют, что зам. начальника госпиталя по политчасти т. Столяр в палатах бывает очень редко, многие ранбольные его совершенно не видали. По заявлению ранбольного, т. Столяр придет в госпиталь, зайдет в одну из палат, поиграет в шахматы и уйдет. По палатам не ходит, с ранбольными работу не ведет. В результате совершенно неудовлетворительной политработы в госпитале, по заявлению ранбольного Васильева, много нарушений дисциплины. Бойцы ходят на рынок, продают сахар, а на деньги покупают помидоры и яйца. В госпитале картежная игра на деньги, а также в лото, пьянка среди ранбольных. В прошлое воскресенье на рынок ушло до 50 человек ранбольных, часть на костылях» [25, л. 133 об. – 134].

Полученное Айзиком Ханановичем за неудовлетворительную работу в госпитале партвзыскание сыграло в его дальнейшей жизни отрицательную роль. В самом начале 1944 г. он был вновь вызван на заседание бюро Вятскополянского райкома ВКП(б), но уже по совсем иному делу. Дело в том, что, встречая новый 1944 г. с коллегами по госпиталю, А. Х. Столяр позволил себе неосторожные высказывания в отношении музыкальной составляющей нового (на тот момент) гимна СССР авторства композитора А. В. Александрова. В числе прочего он заявил: «Музыка Александрова, принятая для гимна Советского Союза, напоминает дьячковщину и вообще композитор Александров бывший дьячок, а поэтому вся его музыка напоминает дьячковщину» [26, л. 24]. Более того, когда присутствующие на вечеринке коммунисты сделали ему замечание и возразили, что «музыка товарища Александрова зовет массы вперед и поднимает на борьбу», Столяр упорно доказывал свою правоту, будучи, судя по контексту, пьяным.

Такое поведение было признано на бюро «непартийным», в итоге по делу было вынесено суровое решение: «Отмечая, что т. Столяр уже имеет партвзыскание – строгий выговор с занесением в личное дело и в своей практической работе не только не заслужил снятие партвзыскания, но своим непартийным поведением на вечеринке дискредитировал себя как коммуниста, считать невозможным дальнейшее пребывание Столяр на политработе в госпитале и в рядах ВКП(б), в связи с чем поставить вопрос перед Политуправлением Уральского Военного округа (г. Свердловск) об исключении Столяр из членов ВКП(б) и снятии его с данной работы» [26, л. 24 об.]. Бюро райкома исключило бы его сразу, но не в его компетенции было принятие таких решений в отношении военных.

К сожалению, имеющиеся у нас источники не позволяют проследить дальнейшую судьбу Айзика Ханановича. Известно только то, что службу в рядах РККА он продолжил, в звании понижен не был. В учетно-послужной карточке капитана А. Х. Столяра значится дата его демобилизации – 3 апреля 1946 г., а также то, что он был награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [23]. Исходя из этого, можно предположить, что исключения из ВКП(б) ему на этот раз удалось избежать, однако должности заместителя начальника госпиталя по политчасти он вполне мог лишиться.

Подытожив проанализированный выше документальный материал, сделаем ряд выводов. Во-первых, жизненный путь и карьера Айзика Ханановича Столяра были довольно типичны для партийного работника того времени. Он вступил в большевистскую партию вскоре после Октябрьской революции, прошел гражданскую войну, впоследствии занимал различные руководящие должности во многих регионах Советского Союза. В первой половине 1930-х гг. судьба забросила его в Сарапульский район Уральской области, который в результате административно-территориальных пертурбаций середины десятилетия стал частью Кировского края (в декабре 1936 г. преобразован в Кировскую область). Будучи отныне подчиненным кировской парторганизации, А. Х. Столяр был избран на должность 1-го секретаря Слободского райкома ВКП(б), где его и постиг «Большой террор» 1937–1938 гг. Здесь также стоит отметить, что люди его положения довольно часто попадали под каток репрессий, ведь согласно современным исследованиям, «типичная фигура жертвы репрессий 1937 г. в Кировской области – не рядовой рабочий или колхозник (хотя, естественно, можно указать и на таковых), а советский чиновник» [6, с. 125].

Другой вывод касается общих тенденций развития репрессивной политики властей в отношении представителей региональной и местной партийно-государственной элиты. Приведенные выше факты укладываются в определенную формулу: те репрессированные, которым удалось избежать расстрела, будучи приговоренными к высшей мере наказания или серьезным лагерным срокам в период руководства НКВД Н. И. Ежова (сентябрь 1936 – ноябрь 1938 г.), как правило, вышли на свободу и были реабилитированы уже в довоенные годы или, как минимум, получили значительно более мягкое наказание при его преемнике Л. П. Берии. Именно при нем «Большой террор» завершился и состоялась первая (пусть и ограниченная) в истории СССР реабилитация жертв политических репрессий. В этом смысле «Большой террор» 1937–1938 гг. совершенно справедливо именовался в советской исторической литературе и публицистике «ежовщиной». Этот же термин долго сохранялся и в народной памяти.

Список литературы

1. Арапханова Л. Я. Партийно-государственная номенклатура Ингушетии в условиях массовых политических репрессий в СССР // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева. 2020. № 1. С. 4–9.
2. Бадмаева Е. Н. Политические репрессии по отношению к партийно-государственной номенклатуре и управленческо-хозяйственным работникам в Калмыкии в 1930-х годах // Вестник Удмуртского университета. 2017. Т. 27. Вып. 1. С. 47–52.
3. Бакулин В. И. Кадровые «чистки» 1933–1938 гг. в Кировской области и проблемы консолидации советского общества // В. И. Бакулин. Листая истории страницы: Вятский край и вся Россия в XX веке. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2006. С. 179–188.
4. Бакулин В. И. Февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б) 1937 года и его место в политической жизни советского общества // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2019. № 5. С. 5–14.
5. Бакулин В. И. Бюро Кировского обкома ВКП(б) и проблема политических репрессий в 1937 г. // История и архивы. 2020. № 2. С. 12–37.
6. Бакулин В. И., Чемоданов П. А. Политико-экономическая и социальная история Кировского региона середины 1930-х годов : монография. Киров, 2023. 224 с.
7. Винниченко О. Ю. Номенклатура и репрессии 30-х гг. (на материале местных Советов Урала) // Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2007. Т. 52. № 22. С. 319–328.
8. Захарченко А. В. Элиты и общество в годы репрессий 1937–1938 гг. (на примере Куйбышевской области) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17. № 3. С. 407–416.
9. Земсков В. Н. Политические репрессии в СССР (1917–1990) // Россия-XXI. 1994. № 1–2. С. 107–124.
10. Карачаров Ю. Г. Все равно буду жить! : докум. рассказ о жертвах сталин. репрессий в Киров. обл. Киров : Волго-Вят. кн. изд-во, Киров. отд-ние, 1990. 192 с.
11. Кировская правда. 1940. 20 марта. № 65.
12. Кононенко А. А. Кадровая чистка в Тюмени 1937–1938 гг. // Вестник ТюмГУ. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Т. 7. № 2. С. 182–192.
13. Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе. 1937–1938. Архив Сталина: Документы и комментарии / сост. В. Н. Хаустов. М. : МФД, 2011. 528 с.
14. Об издательском отношении к стахановцу тов. Баталову. Постановление Кировского областного комитета ВКП(б) // Ленинский путь. 18 августа 1937. № 190.
15. Первый секретарем Слободского райкома ВКП(б) избран тов. Столяр А. Х. Пленум Слободского райкома ВКП(б) // Ленинский путь. 17 февраля 1936. № 39 (987).

16. Политические лидеры Вятского края : биографический справочник. Киров : [б. и.], 2009. 730 с.
17. Сушков А. В. Империя товарища Кабакова: уральская партноменклатура в 1930-е годы. Екатеринбург : Альфа Принт, 2019. 292 с.
18. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757374?ysclid=lm7ry2wb8r593459132> (дата обращения: 06.09.2023).
19. Фельдман М. А. Советская элита 1930-х гг.: проблема идентификации // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18. № 4. С. 29–45.
20. Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010. 432 с.
21. Хлевнюк О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М. : Республика, 1992. 268 с.
22. Царикаев А. Т. «Исключить из рядов ВКП(б)...» (из истории репрессий против партийно-советской номенклатуры в Северной Осетии в 1936–1938 гг.) // Известия СОИГСИ. 2014. № 11. С. 103–111.
23. ЦАМО (Центральный архив министерства обороны). Учетно-послужная картотека офицерского состава. Шкаф 199. Ящик 5 // Учетно-послужная карточка Столяра А. Х.
24. ЦГАКО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. П-563. Оп. 3. Д. 107.
25. ЦГАКО. Ф. П-563. Оп. 3. Д. 108.
26. ЦГАКО. Ф. П-563. Оп. 4. Д. 3.
27. ЦГАКО. Ф. П-1255. Оп. 2. Д. 10.
28. ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 5. Д. 2317.
29. ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 17. Д. 4644.
30. ЦГАКО. Ф. П-6799. Оп. 1. СУ-433. Т. 1.
31. Чемоданов П. А. Абрам Столяр: политическая биография эпохи «Большого террора» // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 4. С. 23–28.
32. Чемоданов П. А. От дочери портного до «врага народа»: «пять жизней» Мизы Боревой // Россия-XXI. 2019. № 5. С. 176–191.

"We are the investigation for you, we are the court for you!": the case of Ayzik Stolyar as an example of the repressive practice during the "Great Terror" of 1937–1938.

Chemodanov Pavel Andreevich

PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of Theory and History of State and Law,
Volgo-Vyatskiy University (branch) Moscow State Law University n. a. O. E. Kutafin.
Russia, Kirov. E-mail: pavelche1492@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the judicial investigation case of the party worker Aizik Khananovich Stolyar, who was arrested in 1937 and accused of belonging to the "organization of the right". The detailed materials of this case give an idea of both the rich biography of the defendant and the repressive practices of the Soviet power structures of the period of the "Great Terror" of 1937–1938.

Ayzik Stolyar was born at the end of the XIX century in Vitebsk province into a Jewish working-class family. He worked as an apprentice pharmacist, participated in the First World War and the Civil War, as well as an eventful career in the party organs of different regions of the country. In 1937, he met in the Kirov region as the 1st secretary of the Sloboda district committee of the CPSU(b). After his arrest, he was involved in the case of the "organization of the right", which involved several dozen party figures, including regional scale. Having survived torture in the dungeons of the NKVD, A. H. Stolyar was released in early 1940, was fully rehabilitated and reinstated in the party.

The case of A. H. Stolyar is a characteristic example of the Soviet repressive practice of the period of the "Great Terror", largely aimed at combating the Stalinist group with real and imaginary opposition among the regional and local party and state elite. It also confirms the concept that the first rehabilitation of victims of political repression in the USSR took place before the outbreak of the Great Patriotic War of 1941–1945. after the removal of N. I. Yezhov from the leadership of the NKVD, which marked the end of the "Yezhovism".

Keywords: Great Terror, Stalinism, party nomenclature, political repression, rehabilitation, Kirov region.

References

1. Araphanova L. Ya. *Partijno-gosudarstvennaya nomenklatura Ingushetii v usloviyah massovykh politicheskikh repressij v SSSR* [The party-state nomenclature of Ingushetia in the context of mass political repression in the USSR] // *Vestnik Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnykh nauk im. Ch. E. Ahrieva* – Herald of Ingush Scientific Research Institute of Humanities n. a. Ch. E. Akhriev. 2020. No. 1. Pp. 4–9.

2. Badmaeva E. N. *Politicheskie repressii po otnosheniyu k partijno-gosudarstvennoj nomenklature i upravlenchesko-hozyajstvennym rabotnikam v Kalmykii v 1930-h godah* [Political repressions against the party-state nomenclature and managerial and economic workers in Kalmykia in the 1930s] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta* – Herald of Udmurt University. 2017. Vol. 27. Is. 1. Pp. 47–52.
3. Bakulin V. I. *Kadrovye "chistki" 1933–1938 gg. v Kirovskoj oblasti i problemy konsolidacii sovetskogo obshchestva* [Personnel "purgas" of 1933–1938 in the Kirov region and the problems of consolidation of Soviet society] // V. I. Bakulin. *Listaya istorii stranicy: Vyatskij kraj i vsya Rossiya v XX veke* – V. I. Bakulin. Flipping through the history pages: Vyatka Krai and the whole of Russia in the twentieth century. Kirov. VyatSHU Publishing House. 2006. Pp. 179–188.
4. Bakulin V. I. *Fevral'sko-martovskij plenum CK VKP(b) 1937 goda i ego mesto v politicheskoy zhizni sovetskogo obshchestva* [The February-March plenum of the Central Committee of the CPSU(b) in 1937 and its place in the political life of Soviet society] // *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta* – Herald of Northern (Arctic) Federal University. 2019. No. 5. Pp. 5–14.
5. Bakulin V. I. *Byuro Kirovskogo obkoma VKP(b) i problema politicheskikh repressij v 1937 g.* [Bureau of the Kirov Regional Committee of the CPSU(b) and the problem of political repression in 1937] // *Istoriya i arhivy* – History and archives. 2020. No. 2. Pp. 12–37.
6. Bakulin V. I., Chemodanov P. A. *Politiko-ekonomicheskaya i social'naya istoriya Kirovskogo regiona serediny 1930-h godov : monografiya* [Political, economic and social history of the Kirov region in the mid-1930s : monograph]. Kirov. 2023. 224 p.
7. Vinnichenko O. Yu. *Nomenklatura i repressii 30-h gg. (na materiale mestnyh Sovetov Urala)* [Nomenclature and repression of the 30s (based on the material of local Councils of the Urals)] // *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* – News of Ural State University. Series 1: Problems of education, science and culture. 2007. Vol. 52. No. 22. Pp. 319–328.
8. Zaharchenko A. V. *Elity i obshchestvo v gody repressij 1937–1938 gg. (na primere Kujbyshevskoj oblasti)* [Elites and society during the years of repression 1937–1938 (on the example of the Kuibyshev region)] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* – Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2015. Vol. 17. No. 3. Pp. 407–416.
9. Zemskov V. N. *Politicheskie repressii v SSSR (1917–1990)* [Political repressions in the USSR (1917–1990)] // *Rossiya-XXI – Russia-XXI*. 1994. No. 1–2. Pp. 107–124.
10. Karacharov Yu. G. *Vse ravno budu zhit'! : dokum. rasskaz o zhertvah stalin. repressij v Kirov. obl.* [I will live anyway! : dokum. the story of Stalin's victims. repressions in the Kirov region]. Kirov. Volgo-Vyatka Publishing House, Kirov publication. 1990. 192 p.
11. *Kirovskaya Pravda* – Kirov Truth. 1940. 20th of March. No. 65.
12. Kononenko A. A. *Kadrovaya chistka v Tyumeni 1937–1938 gg.* [Personnel purge in Tyumen 1937–1938] // *Vestnik TyumGU. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates* – Herald of Tyumen State University. Humanitarian studies. 2021. Vol. 7. No. 2. Pp. 182–192.
13. Lubyanka. *Sovetskaya elita na stalinskoj golgofe. 1937–1938. Arhiv Stalina: Dokumenty i kommentarii* – Lubyanka. The Soviet elite at Stalin's Golgotha. 1937–1938. Stalin's Archive: Documents and comments / comp. V. N. Khaustov. M. MFD. 2011. 528 p.
14. *Ob izdevatel'skom otnoshenii k stahanovcu tov. Batalovu. Postanovlenie Kirovskogo oblastnogo komiteta VKP(b)* – About the bullying attitude towards Stakhanovite Comrade. To Batalov. Resolution of the Kirov Regional Committee of the CPSU(b) // *Leninskij put'* – Lenin's way. August 18, 1937. No. 190.
15. *Pervym sekretarem Slobodskogo rajkoma VKP(b) izbran tov. Stolyar A. H. Plenum Slobodskogo rajkoma VKP(b)* – Comrade was elected the first secretary of the Sloboda district committee of the CPSU(b). Stolyar A. H. Plenum of the Slobodsky district committee of the CPSU(b) // *Leninskij put'* – Lenin's way. February 17th 1936. No. 39 (1987).
16. *Politicheskie lidery Vyatskogo kraja : biograficheskij spravochnik* – Political leaders of the Vyatka Region : biographical guide. Kirov : [w. i.], 2009. 730 p.
17. Sushkov A. V. *Imperiya tovarishcha Kabakova: ural'skaya partnomenklatura v 1930-e gody* [The Empire of Comrade Kabakov: the Ural party nomenclature in the 1930s]. Yekaterinburg. Alfa Print. 2019. 292 p.
18. *Ugolovnyj kodeks RSFSR redakcii 1926 g.* – The Criminal Code of the RSFSR, as amended in 1926 // *Elektronnyj fond pravovyh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov* – Electronic Fund of legal and normative-technical documents. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/901757374?ysclid=lm7ry2wb8r593459132> (date accessed: 06.09.2023).
19. Feldman M. A. *Sovetskaya elita 1930-h gg.: problema identifikacii* [The Soviet elite of the 1930s: the problem of identification] // *Diskurs-Pi* – Discourse-Pi. 2021. Vol. 18. No. 4. Pp. 29–45.
20. Haustov V., Samuel'son L. *Stalin, NKVD i repressii 1936–1938 gg.* [Stalin, the NKVD and the repressions of 1936–1938]. M. Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); Foundation of the first President of Russia B. N. Yeltsin. 2010. 432 p.
21. Hlevnyuk O. V. *1937-j: Stalin, NKVD i sovetskoe obshchestvo* [1937: Stalin, the NKVD and Soviet society]. M. Republic. 1992. 268 p.
22. Carikaev A. T. *"Isklyuchit' iz ryadov VKP(b)..." (iz istorii repressij protiv partijno-sovetskoj nomenklatury v Severnoj Osetii v 1936–1938 gg.)* ["Exclude from the ranks of the CPSU(b) ..." (from the history of repres-

sion against the party-Soviet nomenclature in North Ossetia in 1936–1938]] // *Izvestiya SOIGSI – News of SOIGSI*. 2014. No. 11. Pp. 103–111.

23. CAMD (Central Archive of the Ministry of Defense). The accounting and service record of the officers. Cabinet 199. Drawer 5 // *Uchetno-posluzhnaya kartochka Stolyara A. H.* – Accounting and service record of the Carpenter A. H.

24. CSAKR (Central State Archive of the Kirov region). F. P-563. Inv. 3. D. 107.

25. CSAKR. F. P-563. Inv. 3. File 108.

26. CSAKR. F. P-563. Inv. 4. File 3.

27. CSAKR. F. P-1255. Inv. 2. File 10.

28. CSAKR. F. P-1290. Inv. 5. File 2317.

29. CSAKR. F. P-1290. Inv. 17. File 4644.

30. CSAKR. F. P-6799. Inv. 1. SU-433. Vol. 1.

31. *Chemodanov P. A. Abram Stolyar: politicheskaya biografiya epohi "Bol'shogo terrora"* [Abram Stolyar: a political biography of the era of the "Great Terror"] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya – Herald of Humanitarian Education*. 2018. No. 4. Pp. 23–28.

32. *Chemodanov P. A. Ot docheri portnogo do "vraga naroda": "pyat' zhiznej" Mizy Borevoj* [From the tailor's daughter to the "enemy of the people": "five lives" by Miza Boreva] // *Rossiya-XXI – Russia-XXI*. 2019. No. 5. Pp. 176–191.